

Д. Е. Афиногенов

К ПРОИСХОЖДЕНИЮ ЛЕГЕНДЫ О СВ. АРСЕНИИ – ВОСПИТАТЕЛЕ ИМПЕРАТОРОВ АРКАДИЯ И ГОНОРИЯ

Среди подвижников, прославившихся в Скитской пустыне Египта в V в., одной из наиболее заметных фигур был отшельник Арсений. Его личность вызывала живейший интерес не только у современников, но и у потомков, причем, как будет видно из дальнейшего, не только византийцев – не случайно агиографическая традиция об Арсении насчитывает, как минимум, десять текстов, если считать по справочнику «*Bibliotheca Hagiographica Graeca*»¹. Причины такого внимания, несомненно, помимо духовных свершений святого заключались и в его необычной биографии. Дело в том, что, по твердому убеждению византийцев, Арсений, прежде чем удалиться в Скит, занимал очень высокое положение при дворе императора Феодосия I (379–395), который вверил ему воспитание своих детей Аркадия и Гонория, будущих императоров соответственно Восточной (395–408) и Западной (395–423) Римской империи. Какие бы сомнения ни вызывала историчность этой информации уже а priori, прежде чем ее обсуждать, необходимо проанализировать и, по возможности, датировать генезис и источники традиции, представляющей Арсения воспитателем императорских сыновей. Именно такую задачу и ставит перед собой настоящая работа. Необходимо оговориться, что соответствующий анализ уже был проведен В.Г. Васильевским со свойственной этому ученому тщательностью и проницательностью², однако с его выводами далеко не всегда можно согласиться.

Самая древняя из развернутых версий легенды, которой мы располагаем, имеет надежный *terminus ante quem*. Это «Похвальное слово Арсению», написанное преп. Феодором Студитом (ум. в 826 г.), который рассказывает, что святой происходил из богатого и знатного римского рода и преуспел в греческой и римской премудрости. Услышав об этом, император Феодосий призвал его в Константинополь и приставил воспитателем к своим сыновьям Аркадию и Гонорию. Арсений провел при дворе 40 лет, но затем ему был Божий глас, повелевший удалиться от мира, и он, презрев все мирское, бежал в Египет³. Цифра «40» совершенно невероятна, потому что столько не царствовали даже Феодосий с Аркадием, вместе взятые. Источник ее становится понятным из дальнейшего изложения Феодора, где тот приводит полную хронологию жиз-

¹ 1 *Bibliotheca Hagiographica Graeca* / Ed. F. Halkin. V. 1–3. Bruxelles, 1957 (Subsidia hagiographica, 8a) (далее – BHG); *Novum auctarium Bibliothecae Hagiographicae Graecae* / Ed. F. Halkin. Bruxelles, 1984 (Subsidia hagiographica, 65).

² *Васильевский В.Г.* Синодальный кодекс Метафраста. СПб., 1899. С. 23–44.

³ *Nissen Th.* Das Enkomion des Theodoros Studites auf den hl. Arsenios // *Byzantinisch-neugriechische Jahrbücher*. 1920. I. S. 246–262.

ни Арсения, следуя рассказу аввы Даниила, ученика и сподвижника святого на монашеском поприще, сохранившемся в составе так называемых *Apophtegmata Patrum* («Изречения отцов», в церковнославянском переводе – «Скитский патерик», конец V в.)⁴. Согласно Даниилу, Арсений прожил всего девяносто пять лет, из которых сорок провел при дворе Феодосия, сорок – в Скитской пустыне, десять – в городе Трое (совр. Тура) напротив Мемфиса, три – в Канопе и два последних года – опять в Трое⁵. Нетрудно видеть, что, по мнению Даниила, Арсений жил при императорском дворе с рождения⁶. Это полностью исключает версию о вызове будущего отшельника из Рима в Константинополь, и, таким образом, оказывается, что Феодор механически совместил данные, почерпнутые из двух противоречащих друг другу источников, одним из которых были «Изречения отцов». Что же можно сказать о другом источнике, которым пользовался Студийский игумен?

В греческой агиографической традиции существуют две довольно схожие друг с другом повести, непосредственно посвященные деятельности Арсения как наставника Аркадия и Гонория. Одна из них (ВНГ 167z) бытовала как самостоятельно, так и в составе хроники Георгия Монаха (Амартола) одной из двух основных ее редакций, а именно того текста, который, собственно, и известен ученым как «Георгий Монах» – для краткости назовем его «вульгата»⁷. Вторая как отдельное произведение в рукописной традиции не представлена и существует лишь в составе другой редакции той же самой хроники. Греческий оригинал этой редакции сохранился только в одной рукописи (Coislinianus 305 Парижской национальной библиотеки, XI в.) и до сих пор не издан, однако фрагмент, касающийся Арсения, был опубликован Васильевским⁸. Ученый пришел к выводу, что краткий рассказ Феодора Студита послужил одним из источников для более пространного повествования Георгия Монаха, причем вторым источником был «педагогический роман» ВНГ 167z. Далее Васильевский предлагает две возможности (хотя он не говорит об этом прямо, выбор между ними зависит от того, какую версию хроники Георгия считать первоначальной): либо рассказ об Арсении в хронике был вновь приведен в полное соответствие с повестью ВНГ 167z путем удаления заимствований из похвалы Феодора (если считать более древней версию кодекса Coislin. 305), либо, наоборот, «первоначальная цельность повести нарушена в хронике вставкою из похвалы» (подразумевается: если текст вульгаты древнее)⁹.

⁴ Les Apophthegmes des Pères: Collection systématique. T. 1 / Ed. par J.-Cl. Guy. P., 1993 (Sources Chrétiennes, 387). P. 74–77. Русск. пер.: Достопамятные сказания о подвижничестве святых и блаженных отцов. М., 1845.

⁵ Nissen. Op. cit. S. 259, сткк. 16–21.

⁶ Васильевский избавляется от этого затруднения очень просто: «При дворе божественной памяти Феодосия Великого прожил он сорок лет (читай: до сорока лет)» (Ук. соч. С. 28. Прим. 1). Однако оказывается, что он идет здесь на поводу у более позднего переписчика, подправившего Феодора Студита. В первом из упомянутых пассажей последний говорит: *τεσσαράκοντα τοῖνυν ἔτεσιν ἐν τῷ παλατίῳ διηυκώς* (S. 247, 18). В рукописи В (Coislin. gr. 303. X в.) стоит: *μέχρι δὲ τοῦ τεσσαράκοντοῦ ἔτους τῆς ἡλικίας αὐτοῦ*, но, как заметил уже Ниссен (Op. cit. S. 244), это не что иное, как исправление, которое внесено также и во втором случае, когда упомянут этот срок (Ibid. S. 258, 17 in apparatu). В славянском переводе, отражающем, как будет показано, очень древнюю традицию, нет никаких следов подобной редактур.

⁷ Издание: *Georgii Monachi chronicon* / Ed. C. de Boor. Editio stereotypa correctior, cur. P. Wirth. Stuttgart, 1978 (далее – Georg. Mon.).

⁸ Васильевский. Ук. соч. С. 76–80.

⁹ Там же. С. 34–35.

Версия о приоритете вульгаты Георгия Монаха по отношению к редакции Coislin. 305 отстаивается в пространной диссертации Монежье дю Сорбье¹⁰, однако полученные мною новые данные не оставляют никакого сомнения в том, что вульгата представляет собой переработку, сделанную после 871/872 г., тогда как настоящий труд Георгия, сохранившийся в рукописи Coislin. 305, а также в болгарском (или сербском) переводе XIV в., именуемом «Летовник», был закончен в 846 / 847 г.¹¹ Итак, рассмотрению подлежит лишь одна из возможностей, а именно: Георгий Монах совместил в своем повествовании данные, взятые из Феодора Студита и из повести ВHG 167z. Очевидно, во второй своей части этот тезис полностью основан на предположении, что повесть существовала как самостоятельное произведение до появления хроники Георгия. Попробуем проверить эту посылку.

Греческая рукописная традиция, к сожалению, не может здесь оказать нам существенную помощь, поскольку древнейший список повести ВHG 167z, унциальный кодекс Vaticanus gr. 1589, датируется IX–X веками, т.е. он лишь незначительно старше, чем сохранившаяся рукописная традиция хроники Георгия Монаха второй редакции (вульгаты), включающая несколько списков X в.¹², и в любом случае появился позже текста хроники как такового. Решение проблемы, однако, оказывается довольно неожиданным. Церковнославянская минея четья русского извода помещает перевод повести о св. Арсении под восьмым мая. Между тем можно доказать, что оригиналом славяно-русской четьей минеи за месяц май¹³ послужила греческая рукопись, переписанная в Студийском монастыре в Константинополе не позже IX в. Дело в том, что сразу вслед за повестью ВHG 167z русские минеи помещают ту самую похвалу Феодора Студита, о которой шла речь выше. Вот как начинается заглавие этой похвалы в Волоколамской минее (РГБ. Ф. 113, №199 (597), последней четверти XV в. Л. 167, Стб. а): **феодора хѣдаго прозвѣгтера нгоумена стоуѣдникаго...** Подобный заголовок, содержащий эпитет **хѣдаго** (вероятно, перевод греч. ἑλαχίστου) мог появиться только при жизни преп. Феодора Студита! Можно допустить, что позднее текст был скопирован еще один раз уже после смерти игумена, и этот эпитет остался в заглавии по недосмотру переписчика (в Волоколамской минее после слова **стоуѣдникаго** стоит белег †, и на нижнем поле дописано: † **исповѣдника**), но сохранение такой характеристики одного из величайших подвижников византийской церкви при многократном копировании представляется невероятным. Для сравнения приведем заглавие в греческих рукописях: «Преподобного отца нашего Феодора, игумена Студийского, похвала святому Арсению»¹⁴. Следовательно, церковнославянский перевод, по всей вероятности, является самым древним свидетельством повести

¹⁰ *Monégier du Sorbier M.-A. Recherches sur la tradition manuscrite de la chronique de Georges le Moine: la tradition directe* [Thèse de doctorat soutenue à l'É.H.É.S.S. en 4.12.1985]. P. 483–501. Автор не знает работ Васильевского и вообще крайне слабо знакома с русскоязычной научной литературой.

¹¹ См. *Afinogenov D. Le manuscrit grec Coislin 305: la version primitive de la Chronique de Georges le Moine // Revue des études byzantines*. 2003. 61 (in print).

¹² От X в. дошел также один фрагмент первой редакции: передний защитный лист кодекса Vindobonensis Theologicus gr. 12. См. *Monégier du Sorbier*. Op. cit. P. 502–504.

¹³ То есть майского тома из полного годового (а на самом деле десятимесячного) собрания. Так называемый Успенский сборник XII–XIII вв. представляет собой минею за май–июнь, принадлежащую к совершенно иной традиции.

¹⁴ *Nissen*. Op. cit. S. 246. Старейшая из этих рукописей, Coislinianus 303, датируется X веком.

ВНГ 167z. Посмотрим теперь, можно ли почерпнуть из этого перевода что-либо новое касательно взаимоотношений повести и хроники Георгия Монаха.

Самая важная черта в славянской повести об Арсении – это отсутствие каких бы то ни было элементов, не представленных в хронике Георгия Монаха второй редакции¹⁵. Текст начинается словами: «Во дни, когда благой Бог...» (Georg. Mon. P. 567, 1) и заканчивается так: «...посему никто пусть не считает меня среди живых» (Ibid. P. 574, 10). В таком виде повесть не выглядит как агиографическое произведение. Во-первых, Арсений появляется в качестве действующего лица лишь после довольно пространной экспозиции. Во-вторых, что самое важное, в конце нет никаких сведений, даже самых кратких, о смерти святого, нет также ни обычной молитвы, ни славословия (заключительное «конец, и Богу слава» явно принадлежит переписчику, греческому или славянскому). Поэтому логичнее всего было бы предположить, что эксерпт из хроники Георгия был вставлен в mineю, а не наоборот. Подтверждением этому служит еще один эксерпт подобного рода, также из хроники Георгия Монаха второй редакции, который мы находим в славяно-русской четвѣей minee за декабрь. Там под седьмым числом имеется рассказ о св. Амвросии Медиоланском и императоре Феодосии, состоящий из двух отрывков, целиком и без каких-либо добавлений заимствованных из хроники¹⁶: от слов «Валентиниан же великий» до «мужественно обличал перед царем» (Georg. Mon. P. 557, 25–559, 6) и от слов «Ненавистник добра бес, позавидовав этому благу» до «по достоинству называется епископом» (Ibid. P. 576, 22–580, 20). Лишь на границе этих двух отрывков вставлено несколько слов, чтобы избежать путаницы: вместо «этому благу» сказано «всем благим делам царя Феодосия», поскольку в конце первого отрывка речь шла вовсе не о нем, а о Валентиниане.

Нужно добавить, что проникновение повести о св. Арсении в майскую mineю из весьма популярного на Руси церковнославянского перевода хроники Георгия Амартола второй редакции (так называемого «Временника») полностью исключается. Чтобы убедиться в том, что мы имеем дело с разными переводами одного и того же текста, достаточно взглянуть на следующее сопоставление:

Минея (л. 163об., стб. 1)

въ днѣхъ, въ нѣже вѣ бл҃гынѣ възвелъ есѣ
ѡеѡсіа великаго цр҃а и оувѣриа емоу прѣста
цр҃ства ромѣов, и полла дщерь преже его
соуца цр҃а...

Временник¹⁷

въ днѣхъ же оубо, в нѣже вѣ бл҃гынѣ възвѣде
февдосѣа великаго цѣра и дастъ кмоу
престолѣ гречьскаго цр҃ства, поа женоу
совѣ дѣщерь прѣ нимь цр҃ствоваваша...

Точно такая же ситуация и с рассказом об Амвросии и Феодосии в декабрьской minee.

Итак, насколько можно судить, повесть ВНГ 167z выделилась в самостоятельное произведение из хроники Георгия второй редакции и поэтому никак не могла быть источником первой редакции того же самого сочинения. Ско-

¹⁵ Существуют и греческие рукописи, сохранившие повесть именно в таком виде, но они относятся к XVI–XVIII вв. См. *Novum Auctarium*. P. 34, 167z; *Mercati S.G. Emendazione ad un passo di Giorgio Monaco relativa alla Vita di Sant'Arzenio anacoreta* // *Analecta Bollandiana*. 1950. 68. P. 132–134.

¹⁶ Цитируется по древнейшей известной мне рукописи: РГБ, собрание Егорова (ф. 98), № 279, второй четверти XV в. (по датировке А.А. Турилова), л. 214–215 об.

¹⁷ *Истрин В.М.* Книги временныя и образныя Георгия Мниха. Хроника Георгия Амартола в древнем славянорусском переводе. Т. 1. Пг., 1920. С. 377, 17–19.

рее всего, повесть подверглась изменениям еще в составе хроники, в рамках той общей переработки, которая и привела к возникновению вульгаты. Следовательно, если по-прежнему придерживаться точки зрения Васильевского, нужно постулировать некий утраченный источник, из которого Георгий мог почерпнуть все дополнительные сведения, отсутствующие в кратком рассказе Феодора Студита. Но совершенно очевидно, что Феодор тоже не сочинил пассажи, текстуально совпадающие с первой редакцией Георгия Монаха, самостоятельно, а заимствовал их откуда-то еще. Тогда не проще ли будет предположить, что и Феодор, и Георгий пользовались одним общим источником?

О том же свидетельствует и сравнение хронологических данных. Как мы уже видели, Феодор Студит принимает хронологию жизни Арсения, обнаруженную им в *Aporhptegmata Patrum*. Но в первой редакции Георгия Монаха повесть об Арсении, в отличие от второй редакции и соответственно от ВHG 167z, имеет свою собственную хронологию: Арсений переехал из Рима в Константинополь в возрасте 40 лет, четырнадцать лет провел во дворце и затем еще сорок – в пустыне. Есть основания полагать, что эту хронологию Георгий взял из того же самого источника, которым пользовался и Студийский игумен. Вот как оба автора говорят о пребывании Арсения при дворе:

Георгий Монах. Coisl. gr. 305, f. 250^v

τεσσαρισκαίδεκα τοίνυν ἔτεσιν ἐν τῷ παλατίῳ ὦν <τὸν φόβον καὶ ἀγάπην τοῦ θεοῦ κατὰ διάνοιαν ἔχων, ἐστέναξε καὶ παρεκάλει τὸν θεὸν μετὰ δακρύων λέγων· κύριε, ὀδηγησόν με, πῶς σωθῶ. καὶ δὴ ἐν μιᾷ ὄντος αὐτοῦ ἐν τῷ παλατίῳ> ἀκούει θείας φωνῆς λεγούσης...

Феодор Студит. S. 247, 18–20

τεσσαράκοντα τοίνυν ἔτεσιν ἐν τῷ παλατίῳ διηνυκῶς τὸν φόβον τοῦ θεοῦ κατὰ διάνοιαν ἔχων, ἐστέναξε καὶ παρεκάλει τὸν θεὸν μετὰ δακρύων λέγων· κύριε, ὀδηγησόν με, πῶς σωθῶ. καὶ δὴ ἐν μιᾷ ὄντος αὐτοῦ ἐν τῷ παλατίῳ ἀκούει θείας φωνῆς λεγούσης...

Слов, заключенных в угловые скобки, нет в греческом кодексе, но они присутствуют в «Летовнике» – славянском переводе первой редакции хроники¹⁸. Ясно, что Феодор Студит подставил цифру 40 на то место, где в его источнике фигурировала цифра 14, тогда как Георгий, у которого никакой альтернативной хронологии под рукой не было, оставил все как есть.

Интересно, что повесть об Арсении – императорском наставнике – в том виде, в каком она сохранилась в составе первой редакции Георгия Монаха (а мы можем смело предположить, что она воспроизведена там лишь с минимальными изменениями, за исключением пропусков), гораздо лучше соответствует канонам агиографического жанра, нежели ВHG 167z в ее первоначальном варианте. В самом деле, если считать фразу: «После же Гратiana воцарился Феодосий Великий, родом испанец, на 16 лет. Он, сразу же увенчав двух своих сыновей, Аркадия и Гонория, одного провозгласил царем в Константинополе, а другого в Риме, каковых наилучшим образом воспитал блаженный Арсений и, прибыв в Иерусалим, возлюбил иноческую и подвижническую жизнь», вводной ремаркой самого хрониста¹⁹, то основной текст начинается обычной для синаксарных сказаний и кратких житий формулой: «Сей богоносный и знаменитый...». Кроме того, в конце рассказа есть косвенное указание на кончину святого: «...весьма богоугодно славился различными сверше-

¹⁸ См. *Васильевский*. Ук. соч. С. 78.

¹⁹ Это тем более вероятно, поскольку далее ни о каком пребывании Арсения в Иерусалиме речь не идет.

ниями 40 лет, возлюбив пустынную и безмолвную жизнь». Различие между двумя текстами в этом отношении является хорошим подтверждением того, что переделка, результат которой мы наблюдаем во второй редакции Георгия и в ВHG 167z, имела целью создать новый вариант сказания об Арсении в качестве составной части исторического сочинения, а не как отдельное агиографическое произведение.

Таким образом, оказывается, что Георгий Монах включил в свою хронику тот же самый текст, которым раньше воспользовался Феодор Студит и который следует считать древнейшим вариантом «педагогического романа» о св. Арсении, т.е. о его деятельности в качестве воспитателя будущих императоров Аркадия и Гонория. В этом тексте содержатся некоторые данные, позволяющие определить с известной степенью достоверности время и место его возникновения. Так, в самом начале обращает на себя внимание следующая фраза: «Дом его и до сих пор еще стоит – не целый (да и как бы он сохранился через столько лет?), но некие остатки (ἵχνη), и настолько примечательные своей величиной, что они разделены между жителями на триста помещений». Повествователь, как вытекает из контекста, имеет в виду римскую, а не константинопольскую усадьбу св. Арсения, причем явно виденную им воочию. Отсюда можно заключить, что интересующий нас агиографический памятник появился в Риме. Реплика: «Да и как бы он сохранился через столько лет?» говорит о том, что между концом IV в., когда Арсений владел этой усадьбой, и временем написания текста прошло, как минимум, два столетия. Поскольку первые надежные свидетельства о знакомстве с этой повестью в Византии относятся к первой четверти IX в., можно довольно уверенно утверждать, что она была написана в Риме в течение VIII века. Разумеется, автором мог быть и византиец, но основой в любом случае послужило местное римское предание. Поэтому в дальнейшем я буду для краткости называть этот текст «римской повестью».

Теперь необходимо вернуться к неизвестному редактору, перерабатывавшему хронику Георгия Монаха, скорее всего в последней четверти IX в. Был ли текст первой редакции его единственным источником или же он привлекал какие-то дополнительные материалы? В пользу второго предположения говорят некоторые детали, отсутствующие в ранних агиографических памятниках, посвященных св. Арсению, а в поздних – явно заимствованные из повести ВHG 167z. Эти детали таковы: Арсений был рукоположен в диаконы и у него была сестра, которую он поместил в монастырь, прежде чем плыть в Константинополь. Второе обстоятельство не играет никакой сюжетной роли и поэтому вряд ли могло быть добавлено редактором от себя. Нет, однако, никакой нужды постулировать в качестве его источника еще один утраченный текст о св. Арсении. Гораздо вероятнее, что редактор хроники Георгия имел доступ к все той же «римской повести», которой пользовался и сам хронист (а до него – Феодор Студит). Именно из нее, как представляется, взяты сведения не только о диаконском сане Арсения и его сестре, но и о письме Феодосия в Рим своему неназванному соправителю (им мог быть только Грациан, правивший в 375–383 гг.) с просьбой найти воспитателя для наследников, и о разговоре «римского царя» с папой. Но поскольку в первой редакции Георгия Монаха эти элементы выпущены, мы не можем знать, как соответствующая часть текста выглядела первоначально, до того, как к ней приложил руку анонимный редактор.

Мотивы, побудившие последнего внести серьезные изменения в рассказ о св. Арсении, вполне понятны. Драматизм поступка Арсения, в одночасье отвергнувшего богатство и высокую придворную должность, существенно ослабляется, если читателю известно, что Арсений уже один раз оставлял огромное состояние, положение в обществе и даже эллинскую и римскую образованность ради служения Церкви. Другое дело, если скромный диакон был возвышен до второго лица в государстве, но без колебаний пожертвовал этим статусом ради спасения души. Весьма естественно также, что константинопольский редактор убрал фразу о руинах усадьбы Арсения – для византийского читателя это была лишняя подробность.

Что касается исторической реальности, стоящей за «римской повестью» об Арсении и ее многочисленными дериватами, то анализ Васильевского, на мой взгляд, остается исчерпывающим²⁰. Арсений, несомненно, происходил из знатного римского рода и какое-то время занимал высокую должность при константинопольском дворе, – возможно, одного из воспитателей Аркадия и Гонория. Не исключено даже, что он был их восприемником при крещении. Другое дело, что Гонорий родился в 383 г., и воспитатель вряд ли мог ему понадобиться до 388 г., и поэтому участие Грациана в поисках такового исключено. Присутствие в рассказе его и римского папы – это тоже признаки римского происхождения повести. Сопоставляя хронологию, предлагаемую «Изречениями отцов», с одной стороны, и «римской повестью» – с другой, нельзя не заметить, что правдоподобными выглядят лишь сведения аввы Даниила о последних 15 годах жизни Арсения, т.е., по-видимому, как раз о том периоде, в течение которого Даниил был с ним лично знаком. Цифра «сорок» (сорок лет при дворе, сорок лет в Скиту) – явно сакраментальная, и за ней могут скрываться какие угодно временные промежутки. В «римской повести» сакраментальны все числа: сорок, четырнадцать (два раза по семь), еще раз сорок. Примечательно, однако, что общая сумма отличается очень мало – всего на один год, причем автор «римской повести» вполне мог пожертвовать этим годом ради симметрии, тем более если считать по полным годам: из лишних месяцев как раз и может сложиться один дополнительный год. Это означает, что в римском предании сохранялась память об общем числе лет, прожитых св. Арсением.

Итак, на основе вышеизложенного можно заключить, что примерно в VIII в. в Риме была составлена повесть о св. Арсении – воспитателе императоров Аркадия и Гонория, основанная на местном, вероятно устном, предании, а также какой-то из версий *Apophtegmata Patrum*²¹. Перекочевав в Византию, эта повесть подверглась там существенной переработке и в своем первоначальном виде была утрачена, оказав тем не менее сильное влияние на византийскую агиографическую традицию о св. Арсении.

Выяснив взаимоотношения различных ветвей традиции, в которых нашла отражение не сохранившаяся в своем первоначальном виде повесть, можно попытаться реконструировать ее текст. За основу для предлагаемого здесь критического издания взят славянский перевод, т.е. «Летовник», поскольку, как уже доказано, он сделан с существенно более исправной рукописи, нежели кодекс Coislin. 305²². Последний содержит пропуски, большая часть кото-

²⁰ Васильевский. Ук. соч. С. 28–31.

²¹ Два небольших отрывка из этого сборника, а именно молитва Арсения во дворце и ответ на нее и его молитва в пустыне, также с ответом, входят в состав «римской повести» (*Les Apophthegmes des Pères*. II. 2–3).

²² См. Weingart M. *Byzantské kroniky v literatuře církevněslovanské // Přehled a rozbor filologický*. T. 2. P. 311–336 и 368–430, а также *Afinogenov*. Op. cit.

рых может быть восполнена по другим источникам, а именно по «Похвальному слову» Феодора Студита и вульгате Георгия Монаха. Восстановленные таким образом части греческого оригинала заключены в угловые скобки. Фигурными скобками { } выделены слова, не имеющие соответствия ни в одном из сохранившихся греческих текстов и реконструированные методом обратного перевода. Наконец, квадратными скобками обозначены пропуски в славянском переводе. Номера листов (249^v–251^v) даны по рукописи Coislinianus 305.

Conspectus siglorum:

P – codex Parisinus Coislinianus 305.

Let – textus Slavicus in: Васильевский. Ук. соч. С. 76–80.

Vas – textus Graecus ibidem.

ThSt – Theodori Studitae encomium Arsenii (см. прим. 3)

249^v:

Μετὰ δὲ Γρατιανὸν ἐβασίλευσε Θεοδόσιος ὁ μέγας καὶ Σπανὸς τῷ γένει ἔτη ις'. ὃς εὐθὺς τοὺς δύο υἱοὺς αὐτοῦ στέψας, Ἀρκάδιον καὶ Ὀνώριον¹, τὸν μὲν ἐν Κωνσταντινουπόλει ἀνήγορευσε βασιλέα, τὸν δὲ ἐν Ῥώμῃ· οὗς ὁ μακάριος Ἀρσένιος ἐκπαιδεύσας ἄριστα καὶ πρὸς τὰ Ἱεροσόλυμα παραγενόμενος, τὸν ἀσκητικὸν τε καὶ μοναδικὸν ἀσπάζεται βίον. Οὗτος τοίνυν ὁ θεοφόρος καὶ περιβόητος Ῥωμαῖος μὲν τῷ γένει τυγχάνων, εὐγενῶν δὲ γεννητόρων {υἱός}² καὶ πλούτῳ κωμώντων καὶ τῇ λοιπῇ περιφανείᾳ τοῦ βίου ἀποσεμνυνομένων³ καρπὸς εὐκλεῆς ἀναδείκνυται· οὗ ἡ οἰκία μέχρι καὶ νῦν περιεστίν· οὐχ ὀλόκληρος (πῶς γὰρ ἂν τοσοῦτοις ἔτεσι διεσέσωστο;), ἀλλ' ἔχνη τινὰ, καὶ τοσοῦτον μεγέθει διαφέροντα, ὡς ἐν τριακοσίαις κέλλαις διηρημένα τοῖς οἰκητορσιν, ἐξαρκοῦντος τούτου ἐπιδηλώσαι, ὅσος ἦν περιδοξος καὶ πολυόλιβος <ὁ> αἰδιδμιος {ἐν τῷ κατὰ κόσμον βίῳ}⁴. Τοιοῦτος δὲ ὢν, ὑπήρχε καὶ τῇ παιδεύσει ὑπέροχτος, ἑλληνικῇ τε καὶ Ῥωμαϊκῇ σοφίᾳ θαυμαζόμενος. ἐπεὶ οὖν ἐξηκούσθη τῷ μεγάλῳ Θεοδοσίῳ τὰ περὶ αὐτοῦ, ζητοῦσι πανταχοῦ παιδευτὴν ἐπιστῆσαι τοιοῦτον τοῖς ἑαυτοῦ υἱοῖς, ὡς πάντων πρῶτιστος ἀγεται διὰ βασιλικοῦ προστάγματος Ἀρσένιος ἐν τῷ Βυζαντίῳ, τεσσαρακονταέτης ὑπάρχων. καὶ δὴ προσ[250]καλεσάμενος αὐτὸν ὁ βασιλεὺς καὶ θεασάμενος ἐν αὐτῷ σχῆμά τε καὶ ἦθος εὐλαβὲς καὶ σεμνὸν μὲν ἔχοντα τὸ⁵ χρῶμα, εὐτακτον δὲ τὸ βᾶδισμα⁶ καὶ ταπεινὸν τὸ φρόνημα, καὶ μέντοι καὶ περὶ τὰ θεῖα καὶ τὰ ἀνθρώπινα σοφώτατον καὶ ἀπλῶς πάσῃ τῇ κατὰ Χριστὸν ἀρετῇ κεκοσμημένον, καὶ σφόδρα παριχαρῆς γενόμενος ἔφη πρὸς αὐτὸν {ὁ βασιλεὺς}⁷· οὐκ ἀγνοεῖς πάντως, ὦ εὐλαβέστατε καὶ σοφώτατε, δι' ἣν αἰτίαν μετεστειλάμεθά σε πρὸς ἡμᾶς· ὅτι χάριν⁸ τῶν ἡμετέρων τέκνων, ἵνα πάσαν μὲν θεοσεβείαν καὶ φόβον θεοῦ τούτους ἐκπαιδεύσης, πάσαν δὲ φιλοσοφίαν καὶ πολυπειρίαν ἐκδιδάξης. ἀλλ' ἄρα μὴ ὡς βασιλεῖς αὐτούς, ἀλλ' ὡς μαθητὰς ἔχε καὶ παραπίπτοντας ἀνυποστόλως ἐπεξέρχου. καὶ ταῦτα εἰπὼν καὶ ἀμφοτέρους Ἀρκάδιον καὶ Ὀνώριον ἐνέγκας, παραδίδωσιν εἰς χεῖρας αὐτοῦ, πρὸς αὐτοὺς λέγων· ἰδοὺ, ἀπὸ τοῦ νῦν, ὦ τέκνα, οὗτός ἐστιν ἐμοῦ τε καὶ ὑμῶν πατήρ καὶ διδάσκαλος· ὑπακούετε οὖν αὐτῷ κατὰ πάντα ὡς πατρί. καὶ γὰρ δέδωκα αὐτῷ καθ' ὑμῶν πάσαν [ἔχειν] ἐξουσίαν. ὁ δὲ Ἀρσένιος παραλαβὼν τοὺς παῖδας ἀνήγεν αὐτοὺς ἐν ἡθεσι καὶ παιδεύμασι τοῖς καλλίστοις, ὅθεν μεγάλως παρὰ τοῦ βασιλέως τιμηθεῖς, μεῖζων⁹ τῶν ἐν τῷ παλατίῳ [πάντων] ὑπήρχεν ἐπὶ τε δόξῃ καὶ ἐσθῆτι λαμπροτάτῃ φαινόμενος. ταπεινόφρων δὲ τυγχάνων λίαν, οὐχ ὡς μαθητὰς, ἀλλ' ὡς βασιλεῖς {τοὺς παῖδας} ἐτίμα⁹ {καὶ καθεζομένων αὐτῶν}¹⁰ ἐπὶ δύο θρόνων αὐτὸς παριστάμενος ἐδίδασκεν <αὐτούς>¹¹. ἐν μιᾷ οὖν τῶν ἡμερῶν εἰσελθόντος ἐξαίφνης τοῦ βασιλέως πρὸς αὐτοὺς καὶ θεασαμένου τὸν μὲν ἰστάμενον, τούτους δὲ καθεζομένους, [ἐλυπήθη καὶ] ἠγανάκτησε πάνυ

κατὰ τοῦ Ἀρσενίου φάσκων· ἴσθι, ὡς μεγάλως ἡμᾶς ἐλύπσας, παραλογισά-
μενος ἡμῶν [250^v] τὸ πρόστογμα. ὁ δὲ φησιν· οὐχ ἡγησάμην, ὃ θειότατε
βασιλεῦ, πρέπον εἶναι βασιλεῖς μὲν παρίστασθαι, ἐμὲ δὲ καθέζεσθαι. καὶ ὁ
βασιλεὺς ὀργισθεὶς ἐπὶ τούτῳ μᾶλλον, ἀπεκρίθη μετὰ θρασυτήτος καὶ βλο-
συρῶ τῷ βλέμματι λέγων· σὺ καθιστᾶς αὐτοὺς βασιλεῖς; <οὐχὶ ὡς τέκνα καὶ
δούλους παρέδωκά σοι αὐτούς>; καὶ ἵνα τί ταῦτα φθέγγῃ; καὶ ἅμα ταῦτα
εἰπὼν εὐθύς ἐπάρας τὰ διαδήματα ἅπερ εἶχον ἐπὶ τὰς κεφαλὰς αὐτῶν καὶ
ρίψας εἰς γῆν, ποιεῖ αὐτοὺς εἰς τοὺς πόδας Ἀρσενίου προσκυνῆσαι, καὶ οὕτως
Ἀρσένιον [ἐπὶ θρόνον] καθίσας, ἐκείνους ἐκέλευσεν αὐτῷ παρεστάναι, φήσας·
εἰ μὲν οὖν φοβηθῶσι τὸν θεὸν καὶ τὰς ἐντολάς αὐτοῦ φυλάξωσι, δύνατός ἐσ-
τιν, εἴπερ εὐδοκεῖ, παρασχεῖν αὐτοῖς τὴν ἀξίαν ταύτην, εἰ δὲ μὴ γε, εὐχομαι τῷ
θεῷ μᾶλλον αὐτοὺς ἐκριζωθῆναι παιδοθέν· κρεῖσσον γὰρ ἐστὶν εὐσεβῶς
θνησκεῖν ἢ ἀσεβῶς βασιλευεῖν. διὸ φησιν ὁ σοφός· κρεῖσσον ἀποθανεῖν
ἄτεκνον ἢ ἔχειν τέκνα ἀσεβῆ¹². ὅθεν Ἀρσένιος ἔκτοτε καθεζόμενος ἐπὶ
θρόνου κάκεινων παρισταμένων οὕτως αὐτοὺς ἐδίδασκε κατὰ τὴν τοῦ βασι-
λέως κέλευσιν. τεσσαρισκαίδεκα τοῖνον ἔτεσιν ἐν τῷ παλατίῳ ὦν¹³ <τὸν φό-
βον καὶ ἀγάπην τοῦ θεοῦ κατὰ διάνοιαν ἔχων, ἐστέναζε καὶ παρεκάλει τὸν
θεὸν μετὰ δακρύων λέγων· κύριε, ὀδήγησόν με, πῶς σωθῶ. καὶ διῆ ἐν μιᾷ
ὄντος αὐτοῦ ἐν τῷ παλατίῳ> ἀκούει θείας φωνῆς λεγοῦσης· Ἀρσένιε, εἰ
θέλεις¹⁴ σωθῆναι, φεῦγε τοὺς ἀνθρώπους καὶ σῶζῃ. ὅπερ ἀκούσας καὶ σφόδρα
πυρωθεὶς πρὸς ἀναχώρησιν καὶ μὴ δυνάμενος διὰ τὴν ὑπόθεσιν τῶν παίδων,
παρακάλει τὸν θεὸν ποιῆσαι πρόφασιν, δι' ἧς ἔκ τε τοῦ παλατίου καὶ τῆς
ματαίας τοῦ βίου δόξης καὶ τύρβης ἀναχωρήσει. καὶ οὕτως ἀδολεσχῶν ευ-
ρίσκει τὸν Ἀρκάδιον παιδικὸν πταῖσμα παραπεσόντα, καὶ τοσαύτας αὐτῷ
πληγὰς παρέσχεν, ὥστε μέχρι θανάτου σχεδὸν μνημονεῦειν αὐτὸν καὶ τῶν
πληγῶν ἔχειν τοὺς τύπους. τοῦτο δὲ γέγο[251]νεν αὐτῷ σωτηρία ἐξ ἐχθρῶν¹⁵
δαιμόνων, ἵνα διὰ προφάσεώς τινος, ὡς ἤξιωσεν, ἀπαλλαγῇ τῆς προσκαιροῦ
δόξης. ὁ γάρτοι Ἀρκάδιος ἔκτοτε μανεῖς πάνυ κατ' αὐτοῦ καὶ βουλόμενος
αὐτὸν ἀνελεῖν λάθρα, προσκαλεῖται τινα τῶν ἀρχόντων καὶ φησιν· ἀπόκ-
τεινόν μοι τὸν Ἀρσένιον μηδενὸς γινώσκοντος. ὁ δὲ, τὸν Ἀρσένιον ἀγαπῶν,
μᾶλλον δὲ τὸν θεὸν φοβηθεὶς καὶ τὸν βασιλέα, θαρρεῖ τὸν Ἀρσένιον τὴν μι-
αίφονον ἐπιτροπὴν τε καὶ γνώμην Ἀρκαδίου. καὶ ὁ Ἀρσένιος εἰς ἑαυτὸν
ἐλθὼν καὶ τῆς θείας φωνῆς ἀναμνησθεὶς παρακελευομένης αὐτὸν φεῦγειν
τοὺς ἀνθρώπους καὶ σῶζεσθαι, καὶ μηδενὶ¹⁶ θαρρήσας, ἀλλ' ἐσθῆτα περιθέ-
μενος εὐτελεῖ καὶ εἰς πλοῖον ἐμβάς, ἀπέπλευσεν εἰς Ἀλεξάνδρειαν, ἐν ἣ καὶ
ἀποθριξάμενος καὶ πρὸς τὴν Σκῆτην ἐξορμήσας καὶ μονάσας, θεαρέστως
ἄγαν διέπρεπε κατορθώμασι διαφόροις ἔτη μ', τὸν ἐρημικὸν καὶ ἡσύχιον
ἀσπαζόμενος βίον. ἐν οἷς πάλιν δεόμενος τοῦ θεοῦ, πῶς σωθῆ φωνῆς αὐθις
ἤκουσεν λεγούσης· Ἀρσένιε, φεῦγε, σιώπα, ἡσύχαζε· αὐταὶ γὰρ εἰσὶν αἱ
ρίζαι τῆς ἀναμαρτησίας. ὧ καὶ Ἀρκάδιος καὶ Ὀνώριος ἔγραφον μετὰ τὴν
τοῦ πατρὸς τελευτὴν παρακαλοῦντες αὐτὸν εὐχεσθαι ὑπὲρ τῶν ἰδίων
μαθητῶν καὶ τέκνων, μάλιστα δὲ Ἀρκάδιος· ἐννοήσας γὰρ, ὅπερ εἰς αὐτὸν
ἐβουλεύσατο, ἔγραψεν αὐτῷ παρακλητικὴν ἐπιστολὴν δεόμενος, ὥστε συγ-
χωρηθῆναι αὐτῷ τῆς μισαιφόνου βουλῆς τὸ πταῖσμα, ὑπὲρ ἧς μετὰ πολλῶν
ὄρκων ἐδυσώπησε λαβεῖν αὐτὸν παρὰ τοῦ ἐπάρχου Ἀλεξανδρείας τὰ δημό-
σια τοῦ ἐνὸς χρόνου τῆς Αἰγύπτου πάσης καὶ ταῦτα διανεῖμαι εἰς πτωχοὺς
καὶ μοναστήρια καὶ ὅπου δ' ἂν βούλοιο, μόνον συγχωρηθῆναι αὐτῷ καὶ
εὐξασθαι ὑπὲρ τῆς βασιλείας αὐτοῦ τε καὶ Ὀνωρίου ἀδελφοῦ αὐτοῦ καὶ
ἀντιγράψαι αὐτοῖς κἂν ἅπαξ. [215^v] ὁ δὲ γράψαι μὲν οὐκ ἠνέσχετο, δηλοῖ δὲ
αὐτοῖς λέγων· ὁ θεός, τέκνα, πᾶσιν ὑμῖν συγχωρήσει καὶ καταξιώσει ποιεῖν

τὰ θελήματα αὐτοῦ· περὶ δὲ χρημάτων, ἐγὼ τῷ κόσμῳ ἤδη τέθνηκα· μηδεὶς οὖν λογίσηται με εἰς τοὺς ζῶντας ὄλως εἶναι. ὁ δὲ γε θεῖος βασιλεὺς Θεοδόσιος μετὰ τὴν ἀναχώρησιν Ἀρσενίου σφόδρα λυπηθεὶς καὶ πανταχοῦ ζητήσας αὐτὸν οὐχ ἤυρεν ἄχρι τελευτῆς αὐτοῦ.

¹ Ὀνόρι-ubique P² снѣ Let³ ἀποσεμνυόμενος P⁴ въ мирьскомъ житни Let⁵ σχῆμα, ὠχρὸν τὸ add. Vas възврѣ pro χρῶμα exhibit Let⁶ βλέμμα Vas⁷ црѣ Let quod secludere malim⁸ влгодѣтн ради Let⁹ τιμῶν P отроки поунтк Let¹⁰ καθιζάνων P и седещемъ имъ Let¹¹ нхъ Let¹² ἀσεβεῖ P¹³ διηनुκῶς ThSt¹⁴ ἐθέλεις pro εἰ θέλεις exhibit P¹⁵ не ѿ врагъ Let¹⁶ μνδὲν P

Перевод:

После же Грациана воцарился Феодосий Великий, родом испанец, на 16 лет. Он, сразу же увенчав двух своих сыновей, Аркадия и Гонория, одного провозгласил царем в Константинополе, а другого в Риме, каковых наилучшим образом воспитал блаженный Арсений и, прибыв в Иерусалим, возлюбил иноческую и подвижническую жизнь. Сей богоносный и знаменитый <Арсений>, будучи родом римлянин, сын же родителей знатных и изобилующих богатством, и прочим житейским блеском возвеличенных, оказался славным их плодом. Дом его и до сих пор еще стоит – не целый (да и как бы он сохранился через столько лет?), но некие остатки (ίχνη), настолько примечательные своей величиной, что они разделены между жителями на триста помещений, так что этого достаточно, чтобы показать, насколько славный муж был знаменит и богат в мирской жизни. Будучи же таковым, он и ученостью был превосходен, и им восхищались за эллинскую и римскую премудрость. И вот, поскольку до великого Феодосия дошел слух о нем, когда тот везде искал такого воспитателя для своих сыновей, Арсений, как первейший из всех, отправляется по царскому повелению в Византий в возрасте сорока лет. И царь, пригласив его и увидев в нем благоговейный облик и нрав, почтенный вид, чинную походку и смиренный помысел, но также и что он преискусен в божественных и человеческих науках и вообще украшен всякой во Христе добродетелью, и очень обрадовавшись, говорит ему: «Тебе, конечно, не ведомо, о благоговейнейший и мудрейший, по какой причине мы вызвали тебя к себе – ради наших детей, чтобы ты воспитал их во всяческом благочестии и страхе Божиим и обучил всяческой философии и многознанию. Но смотри, держи их не как царей, но как учеников и за проступки наказывай нещадно». И сказав это и приведя обоих, Аркадия и Гонория, он передал их в его руки, говоря им: «Вот, отныне, дети, он мой и ваш отец и учитель, – итак, повинуйтесь ему во всем, как отцу. Ибо я дал ему всю власть над вами». Арсений же, приняв отроков, воспитывал их в наилучших нравах и навыках, так что, много почитаемый царем, стал выше всех во дворце, блистая славой и великолепнейшими одеждами. Будучи же весьма смиренномудр, он чтил отроков не как учеников, но как царей, и в то время, как они сидели на двух престолах, он сам, стоя рядом, учил их. И вот однажды, когда царь внезапно вошел к ним и увидел, что он стоит, а те сидят, огорчился и сильно вознегодовал на Арсения, говоря: «Знай, что ты очень огорчил нас, ослушавшись нашего повеления». А тот сказал: «Не счел я приличным, о божественнейший царь, чтобы цари стояли, а я сидел». И царь, еще больше от этого разгневавшись, ответил с резкостью и суровым взором, говоря: «Ты ли ставишь их царями? Разве я не отдал их тебе как детей и рабов? И зачем ты это говоришь?». И с этими словами он немедля сорвал венцы, которые были у них на голове, и, бросив наземь, заставил их поклониться Арсению в ноги и потом,

усадив Арсения на престол, приказал стоять возле него, сказав: «Если они убоятся Бога и сохраняют заповеди Его, то Он может, если благоволит, доставить им это достоинство; а если нет, то я молю Бога скорее искоренить их в детском возрасте – ведь лучше умереть благочестиво, чем нечестиво царствовать. Поэтому говорит мудрец: лучше умереть бездетным, чем иметь нечестивых детей». Поэтому Арсений с тех пор, сидя на престоле, пока они стояли, таким образом учил их по царскому приказу.

Итак, проведя во дворце четырнадцать лет, имея в мыслях страх и любовь к Богу, он стenal и умолял Бога со слезами, говоря: «Господи, наставь меня, как спастись». И однажды, когда он был во дворце, он услышал глас Божий, говорящий: «Арсений, если хочешь спастись, убегай от людей и спасешься». Услышав это и сильно возгоревшись к уходу, но не имея возможности из-за отроков, он просил Бога подать повод, благодаря которому он смог бы удалиться из дворца и от суетной житейской славы и беспокойства. И так молясь, он обнаружил Аркадия впадшим в детский проступок и нанес ему столько ударов, что тот помнил до самой смерти и сохранял следы от побоев. А это стало для Арсения спасением от врагов бесов, чтобы благодаря какому-нибудь поводу, как он просил, он избавился от преходящей славы. Итак, Аркадий, с тех пор разозлившись на него и желая тайком убить его, пригласил одного из сановников и говорит: «Убей для меня Арсения, чтобы никто не знал». Тот же, любя Арсения, а скорее убоившись Бога и царя, поведал Арсению злодейское поручение и волю Аркадия. И Арсений, собравшись с мыслями и вспомнив Божий глас, повелевающий ему бежать от людей и спастись, и никому не сообщив, но надев бедную одежду и взойдя на корабль, отплыл в Александрию, где и постригся и, отправившись в Скит и став монахом, весьма богоугодно славился различными свершениями 40 лет, возлюбив пустынную и безмолвную жизнь. И там опять, молясь Богу, как спастись, он услышал глас, говорящий: «Арсений, беги, молчи, покойся – ибо таковы корни безгрешности». Ему и Аркадий с Гонорием писали после кончины отца, прося молиться за его учеников и детей, а особенно Аркадий, – ибо осознав, что он против него замышлял, он написал ему увещательное письмо, моля простить ему прегрешение злодейского умысла, за что с многими клятвами уговаривал взять подати всего Египта за один год и раздать их нищим и монастырям, и кому захочет, только простить его и помолиться о царстве его и Гонория, брата его, и ответить им в письме хотя бы один раз. А тот написать не согласился, но возвестил им, говоря: «Бог, дети, да простит вам всем и сподобит творить волю Его, – а что до денег, то я уже умер для мира, и никто пусть вовсе не считает меня среди живых». Божественный же царь Феодосий, после ухода Арсения очень огорчившись и везде его разыскивая, не нашел его вплоть до своей кончины.

ТЕКСТОЛОГИЧЕСКИЙ ЭКСКУРС

В рассказе о св. Арсении, входящем в состав второй редакции хроники Георгия Монаха, есть фраза, вызвавшая немало затруднений как у переписчиков, так и у современных издателей: Καὶ δὴ πρὸς αὐτὸν ὁ βασιλεὺς· δηλοῖ μὲν ἢ διὰ τοῦ σχήματος ἤθους τε καὶ ἀπολογίας ἐνάρετόν σε καὶ θεοσεβῆ εἶναι, καί, καθὼς γεγραφήκασιν ἡμῖν ὃ τε συμβασιλεύων ἡμῖν καὶ ὁ τῆς Ῥώμης ἀγιώτατος πάπας, οὕτω καὶ εἶδομεν. ἀληθῆ γὰρ ἔγραψαν²³. Издатель этой редакции хроники де Боор так отзывается о приведенном фрагменте, который он помечает сгх'ом: «Locus corruptus, quem varia ratione librarii sanare

²³ Georg. Mon. P. 569, 28–570, 4.

temptaverunt»²⁴. Действительно, в пределах рукописной традиции вульгаты Георгия Монаха удовлетворительного решения найти не удается. Однако в одном из списков повести BHG 167z (Vatic. gr. 1589, f. 5v, col. b, ll. 24–27) обнаруживается следующее вполне приемлемое чтение²⁵: Καὶ δὴ πρὸς αὐτὸν ὁ βασιλεὺς· δηλὸς μὲν εἶ καὶ διὰ τοῦ σχήματος ἤθους τε καὶ ἀπολογίας ἐνάρετος καὶ θεοσεβῆς εἶναι, καθὼς γεγραφήκασιν ἡμῖν ὁ τε συμβασιλεύων ἡμῖν καὶ ὁ τῆς Ῥώμης ἀγιώτατος πάπας, οὕτω καὶ εἶδομεν. ἀληθῆ γὰρ ἔγραψαν.

Из этого Монежье дю Сорбье заключает, что повесть была включена в хронику, а не выделилась из нее, что, разумеется, противоречит высказанным выше соображениям. Но такой вывод не является единственно возможным. Вот что мы находим в славянском тексте повести (л. 165b): и се къ немѣ црь: възвѣщаает се образомъ нрава же и ѿвѣта добродѣтелна тѣ и блгоуствива быти, также написахъ намъ съцрствѣа намъ и римьскы стѣи папѣжь, также и видѣхомъ. истинѣ бо написали соутъ.

На месте греческого μὲν стоит не обычное οὐβο, но се, и это заставляет задуматься о правильной реконструкции греческого оригинала. Поскольку славянское се должно стоять в начале предложения, двоеточие необходимо перенести после слова възвѣщаает. Тогда получится следующая греческая фраза: Καὶ δὴ πρὸς αὐτὸν ὁ βασιλεὺς δηλοῖ· ἰδοῦ, διὰ τοῦ σχήματος ἤθους τε καὶ ἀπολογίας ἐνάρετόν σε καὶ θεοσεβῆ εἶναι, καθὼς γεγραφήκασιν ἡμῖν ὁ τε συμβασιλεύων ἡμῖν καὶ ὁ τῆς Ῥώμης ἀγιώτατος πάπας, οὕτω καὶ εἶδομεν. ἀληθῆ γὰρ ἔγραψαν.

Перевод:

И царь объявляет ему: «Вот, как написали нам наш соправитель и святейший папа Римский, что ты добродетелен и благочестив, так мы и увидели по [твоему] виду, нраву и ответу. Ибо они написали правду».

С грамматической точки зрения эта конструкция ничуть не менее правильна, чем та, которую дает ватиканский список, и даже обладает некоторыми преимуществами, – например, устраняет пропуск глагола речи во вводной ремарке. Учитывая древность оригинала, с которого делался славянский перевод, а также характер текста в ватиканской рукописи (там добавлена заключительная часть, отсутствующая в хронике Георгия), правдоподобнее выглядит предположение, что писец этой рукописи самостоятельно исправил испорченное место, а не скопировал правильное чтение со своего протографа.

TO THE ORIGINS OF THE LEGEND ABOUT ST. ARSENIUS – THE TUTOR OF EMPERORS ARCADIUS AND HONORIUS

D.Ye. Afinogenov

Two main versions of the Chronicle of George the Monk contain two fairly different accounts on St. Arsenius and his activities at the court of Emperor Theodosius as tutor of the latter's sons Arcadius and Honorius. The priority of the version of *Coislilianus* 305 now having been firmly established, it is necessary to revise the hitherto prevailing view on the origin of these accounts. The most probable solution is that both George the Monk and Theodore the Studite a few decades earlier used one and the same lost source – a certain narration on St. Arsenios, apparently of Roman origin. The re-worker of the chronicle substantially modified the account by inserting additional details from the same narration and removing some of the existing material. The Narration BHG 167z derives in its primitive form directly from the second version of George the Monk, and not vice versa. The article offers a new edition of the account found in the original chronicle of George, emendated with the help of the 14th century Slavonic translation, which displays text of much higher quality than *Coislilianus* 305.

²⁴ Ibid. P. 570 in apparatu.

²⁵ См. *Mercati*. Op. cit. P. 132–134; *Monégier du Sorbier*. Op. cit. P. 495–496.